

**ГОСУДАРСТВО В БОРЬБЕ ЗА ТРЕЗВОЕ ОБЩЕСТВО
В НАЧАЛЕ 1880-Х – НАЧАЛЕ 1890-Х ГОДОВ***С.В. Богданов*

«Курнуть не курнуть, так чтобы уж рога в землю» ... Если открыть сборник пословиц русского народа, собранных Владимиром Далем, то в нём можно найти целый раздел, посвящённый теме гульбы и пьянства. Здесь можно обнаружить много хрестоматийных фраз, свидетельствующих о неизбежной участи русского народа быть пьяным. Как тут не вспомнить и известное выражение С.Ю. Витте о том, что «наш народ так же трудится, как и пьёт, – он мало пьёт, но очень часто напивается...». Проблема «пьянственного времяпрепровождения», о которой в российском обществе начали говорить в середине XIX в., во многом актуальна и сейчас. И так сложилось, что главным «врачом» социальных и иных недугов в России было государство и элитные слои, тесно с ним связанные. Во второй половине XIX в. именно государство осуществляло попытки борьбы с развитием в народе пьянства, в силу чего изучение этого опыта представляет несомненный научный и общественный интерес. С другой стороны, есть и необходимость пересмотра сложившегося стереотипа восприятия фискальных интересов казны (и царской, и советской), которая ради финансовой выгоды эксплуатировала общество и даже подрывала его нравственное состояние. В истории государственной политики на данном поприще во второй половине XIX в. довольно отчётливо выделяются три «пика»: конец 1850-х– начало 1860-х гг., начало 1880-х– начало 1890-х гг. и середина 1890-х гг. – начало XX в. (этап введения винной монополии). В настоящей статье речь пойдёт о втором этапе.

В 1881 г. для разработки мер по искоренению пьянства и поднятию народной нравственности было учреждено особое совещание¹. Предполагалось, во-первых, сократить число питейных заведений; во-вторых, «в видах улучшения народной нравственности» упорядочить питейную торговлю; в-третьих, усилить контроль над виноторговлей. Сокращение числа питейных заведений мыслилось провести путем повышения патентного сбора. Одновременно считалось, что назначение патентного сбора будет зависеть от решения земских и городских властей, и поэтому предлагалось установить нормальное число питейных заведений из расчета на душу населения. В городах одно заведение должно было приходиться на 500 душ, в уездах – на 1000. При этом вводилось условие, что земства имеют возможность изменять эту норму в большую или меньшую сторону на 25%².

Подобные меры предлагал и начальник Акцизного управления по Тверской губернии В.Л. Юнг. По его мнению, при определении числа мест для распивочной продажи питей в городах следовало бы рассчитать, на сколько душ должно приходиться одно питейное заведение (например, на 100, 150 или 200)³.

¹ *Лебедев В.А.* Питейное дело в России. – СПб., 1898. – С. 36.

² Там же.

³ Государственный архив Тверской области (далее – ГАТО). – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 96. – Л. 4.

Для составления точных сведений Министерство финансов разослало соответствующие циркуляры. Глава ведомства предлагал искоренить питейные дома и установить распивочную продажу исключительно в трактирах, харчевнях или корчмах⁴. Этой мерой правительство предполагало убрать пьяных с городских и сельских улиц, заключить их в соответствующие помещения, чтобы встревоженная общественность не указывала всякий раз на увеличение масштабов пьянства. Своим внешним видом улицы должны были показывать, насколько русский народ равнодушен к вину. До начала 80-х гг. XIX в. преобладали заведения с продажей питей на вынос (ренсковые погреба, погреба для продажи вин, оптовые склады, винные и ведерные лавки)⁵. В местах же распивочной продажи, особенно в сельских питейных домах, народ имел обыкновение пить вино на улице⁶.

В обстановке растущего негативного влияния пьянства по инициативе особого совещания в 1882 г. было решено учредить уездные и губернские комиссии по подготовке сведений для изменения правил питейной торговли. Ранее было предложено создать особую систему полицейского контроля над виноторговлей, его должны были осуществлять совещания местных жителей (приходские попечительства, церковные советы, городские, земские и сельские учреждения)⁷. Интересно, что в процессе деятельности комиссий сам факт чрезмерного пьянства доказан не был. Большинство комиссий, жалуясь на кабаки, признало необходимость улучшить распивочную торговлю, и лишь некоторые склонялись к полному её уничтожению⁸. В числе мер, направленных на ограждение народной нравственности, назывались выборы благонадежных лиц, взыскание штрафов за пьянство, организация обществ трезвости и устранение евреев от питейной торговли⁹. Орловская комиссия предложила даже установить казённую монополию, которая должна была бы принести увеличение казённого дохода, повышение материального и нравственного благосостояния общества, возрождение мелких винокурных заводов и поднятие с их помощью сельского хозяйства¹⁰.

Результаты работы комиссий были положены в основание новых правил питейной торговли, которые были приняты 14 мая 1885 г.¹¹ и вступили в силу с 1 января 1886 г. Пункт X принятого закона – «Учреждение общего управления сельских обывателей» – был призван регламентировать участие сельских обществ в регулировании питейной торговли. Согласно ст. 54 Правил, питейная торговля не могла быть запрещена в селениях с количеством жителей 500 и более душ и, кроме того, в базарных, торговых, промышленных и фабричных селениях, при станциях железных дорог, у пристаней и перевозов, на проезжих трактах. Таким образом, торговля крепкими напитками в местах значительного скопления народа была изъята из усмотрения сельских обществ. В таких местах допускались также временные выставки¹².

По Правилам 1885 г. устанавливалась питейная продажа «распивочно и на вынос» и «только на вынос». Торговля первого рода допускалась в трактирных за-

⁴ Лебедев В.А. Указ. соч. – С. 37.

⁵ ГАТО. – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 2235. – Л. 78.

⁶ Там же. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 12082.

⁷ Лебедев В.А. Указ. соч. – С. 38, 39.

⁸ Там же. – С. 39.

⁹ Там же. – С. 41.

¹⁰ Там же. – С. 41.

¹¹ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ). – Собр. III. – Т. 5. – Отд. II. – № 2946.

¹² ГАТО. – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 4262. – Л. 15.

ведениях, а вне городских поселений также в постоянных дворах или корчмах, в пивных лавках, на временных выставках, в станционных и буфетах железнодорожных станций. Торговля «только на вынос» допускалась в винных лавках, ведёрных лавках и ренсковых погребках¹³. В селениях с населением до 500 душ разрешалось открытие только одной питейной лавки. В таких селениях, где питейная продажа никогда не производилась, общество имело право ходатайствовать о полном запрещении питейной торговли (примечание к ст. 59). Там, где существовала распивочная продажа, число винных и ведёрных лавок не ограничивалось. Для винных и ведёрных лавок в селениях более 500 душ устанавливалось определённое количество – не менее одной на каждые 500 человек.

Те селения, которые не подходили под условия ст. 54, получали по закону возможность составлять ходатайства о запрещении как существующей, так и будущей питейной продажи в черте усадебной оседлости (ст. 58). Такие ходатайства – приговоры сельских обществ – должны были предоставляться в органы надзора за питейной продажей – Присутствия по питейным делам – в строго установленные сроки, длительность их действия составляла три года (ст. 59). Учреждённые новыми правилами Присутствия по питейным делам могли отказывать в удовлетворении запретительного приговора, в случае если ходатайства, по мнению Присутствий, не были вызваны стремлением противодействия развитию пьянства и могли привести к беспатентной торговле (ст. 61)¹⁴ или были составлены не по утверждённым правилам (ст. 450 Устава о питейных сборах).

В. Лебедев, анализируя новый закон, пришёл к выводу, что в ограничении питейной торговли преобразования 1885 г. практически ничего нового не внесли. Финансовое ведомство стремилось лишь унифицировать заведения для питейной торговли с целью облегчения сбора патентов. Кроме того, питейная торговля приобрела «трактирный» характер – посетители трактиров и постоянных дворов покупали и потребляли вино и водку в помещении, не выходя на улицу.

Однако в деле надзора за потреблением спиртных напитков нововведения значили достаточно много. По ст. 4 новых правил, открытие новых питейных заведений для розничной торговли вином вне городов разрешалось губернскими и уездными присутствиями по питейным делам¹⁵. Они должны были начать работу 1 августа 1885 г.

22 июня этого года из Министерства внутренних дел на имя тверского губернатора пришло циркулярное предписание о создании Присутствий. 26 июня уездные предводители дворянства получили от губернатора письма с извещением о посылке депутатов в уездные и губернские присутствия по питейным делам¹⁶. Несколькими ранее губернатор известил мировые округа об избрании делегатов в состав присутствий¹⁷.

18 июля 1885 г. начало свою деятельность Тверское губернское по питейным делам присутствие¹⁸. Его членами стали тверской вице-губернатор Н.Н. Яфимович, прокурор Тверского окружного суда А.М. Симонов, глава управления по акцизным сборам В.Л. Юнг, председатель Тверской губернской земской управы

¹³ ГАТО. – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 4262. – Л. 13

¹⁴ ПСЗ. – Собр. III. – Т. 5. – Отд. II. – № 2946.

¹⁵ ГАТО. – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 4262. – Л. 1.

¹⁶ Там же. – Л. 1, 4.

¹⁷ Там же. – Л. 3.

¹⁸ Там же. – Л. 1об; Д. 278. – Л. 18.

С.Д. Квашнин-Самарин и тверской городской голова Ф.Н. Культепин¹⁹. Губернское присутствие занималось организационными вопросами начала деятельности уездных присутствий.

25 июля Присутствие по питейным делам открылось в Весьегонске. Его возглавил уездный предводитель дворянства Родичев²⁰.

Тверское уездное присутствие открылось 1 августа 1885 г.²¹ Его членами стали уездный предводитель дворянства М.М. Шишков, акцизный надзиратель I округа В.Ф. Сеницын, председатель уездной земской управы А.П. Щупинский, непременный член уездного Присутствия по крестьянским делам П.М. Карякин, уездный исправник А.П. Бельский и почётный мировой судья А.Г. Врасский²². К середине 1890-х гг. состав присутствия изменился. В 1895 г. Присутствие возглавлял тверской уездный предводитель дворянства В.Н. Трубников, членами были Г.В. Раскевич (уездный член окружного суда), Аничков (помощник тверского уездного исправника), М.М. Шишков, Д.А. Щупинский, А.Н. Гаттенберг, Вл.Н. Трубников, Ю.В. Гагарин (все – земские начальники), непременным членом присутствия был акцизный надзиратель I округа Н.С. Березин²³. Появившееся присутствие рассматривало дела об открытии или закрытии питейных заведений по собственному усмотрению или согласуясь с приговорами сельских обществ и прошениями отдельных лиц. С введением в Тверской губернии винной монополии в июле 1901 г. деятельность присутствия была завершена.

1 августа 1885 г. начали свою деятельность присутствия в Калязине²⁴, Кашине²⁵, Зубцове²⁶, Вышнем Волочке, Бежецке²⁷ и Осташкове²⁸. 3 августа открылось Старицкое присутствие, 5 августа – Ржевское²⁹ (однако оно в первое время не действовало) и Новоторжское³⁰, 9 августа – Корчевское³¹. На первых заседаниях в

¹⁹ ГАТО. – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 4262. – Л. 5; Д. 278. – Л. 33.

²⁰ Там же. – Д. 278. – Л. 28.

²¹ Там же. – Л. 33, 43.

²² Там же. – Д. 4262. – Л. 7.

²³ Там же. – Ф. 493. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 1.

²⁴ Там же. – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 278. – Л. 47, 69. Членами присутствия были: уездный предводитель дворянства Н.Н. Стромилов, председатель уездной земской управы В.А. Юрьев, непременный член Присутствия по крестьянским делам Е.Д. Салтыков, мировой судья И.К. Морозов, уездный исправник Г.В. Rogozin и акцизный надзиратель Н.Ф. Барtleманов.

²⁵ Там же. – Л. 48, 49, 69. Члены присутствия: предводитель дворянства П.В. Шубинский, председатель земской управы А.А. Доманин, почётный мировой судья П.П. Максимович, уездный исправник И.М. Михайлов, акцизный надзиратель Е.И. Померанцев, непременный член Присутствия по крестьянским делам С.А. Недовесков. Предводитель дворянства Г. Кисловский являлся владельцем винокуренного завода и по закону не принимал участия в деятельности Присутствия.

²⁶ Там же. – Л. 73. Члены присутствия: уездный исправник А.Н. Лукин, непременный член Присутствия по крестьянским делам А.Н. Давыдов, акцизный надзиратель А.В. Тельгин.

²⁷ Там же. – Л. 72, 78.

²⁸ Там же. – Л. 27, 37, 41. Местный предводитель дворянства Уткин был винокуренным заводчиком, поэтому не мог принимать участия в работе присутствия. Место председателя присутствия занял П.С. Корбутовский.

²⁹ Там же. – Л. 56.

³⁰ Там же. – Л. 42, 55, 69. Члены присутствия: В.Н. Липов (председатель уездной земской управы), А.Д. Поляков (мировой судья), А.П. Балавенский (непременный член Присутствия по крестьянским делам), Н.С. Березин (акцизный надзиратель). Уездный предводитель дворянства – винокуренный заводчик Повало-Швейковский – по закону не мог принимать участия в работе присутствия, поэтому от дворянства был назначен А.А. Игнатъев.

³¹ ГАТО. – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 278. – Л. 64, 69, 79, 85. Члены присутствия: почётный мировой судья А. Чагин, непременный член Присутствия по крестьянским делам Ф.И. Моковский, участковый миро-

присутствиях были составлены графики заседаний и приняты решения о сборе сведений о селениях, где существовала питейная торговля, и справок о лицах, занимавшихся питейной торговлей, а также об участии в работе присутствий мировых судей³².

С организацией присутствий право открывать или закрывать питейные заведения стало принадлежать не только акцизному управлению, но и гражданским организациям (присутствиям, сельским обществам и отдельным лицам, которые получали возможность обращаться в соответствующую организацию по вопросам закрытия мест продажи крепких напитков). Конечно, акцизное управление не отдало присутствиям полностью свои полномочия. Все финансовые потоки по-прежнему оставались в ведении Министерства финансов. Однако общество чутко отреагировало на перемены. В присутствия стали направляться прошения о разрешении открыть питейное заведение, а также приговоры сельских обществ и прошения помещиков о недопущении в селениях питейной торговли.

Наиболее полно в архивных документах представлена деятельность присутствия по Тверскому уезду. Во второй половине 1885 г. в присутствии только из Гродненской волости Тверского уезда поступило около 90 крестьянских заявлений о разрешении содержать питейные заведения³³. Из других волостей Тверского уезда в 1885–1886 гг. поступило 47 заявлений на открытие трактиров и постоянных дворов³⁴. В 1885–1894 гг. Тверским уездным присутствием было рассмотрено 35 прошений об открытии питейных заведений в Белекушалльской волости³⁵, 40 прошений из Васильевской волости³⁶, 20 прошений из Воскресенской волости³⁷ и 55 прошений из Ильинской волости³⁸. Характерно, что во многих крестьянских и мещанских прошениях указывалось на то, что питейная продажа являлась основным источником для жизни и часто промысел передавался из поколения в поколение. На основании циркуляра Департамента неокладных сборов от 18 ноября 1885 г.³⁹ (№ 1880) Тверское уездное присутствие собрало сведения о введении в действие закона 14 мая. Во второй половине 1885 г. присутствием были признаны подходящими под действие ст. 54 новых правил (открытие заведений в сельской местности в зависимости от количества проживавшего населения) 81 селение. По усмотрению присутствия в 29 селениях воспрещалась торговля крепкими спиртными напитками. По приговорам крестьянских обществ в уезде было 77 таких селений. 44 приговора и частных просьб о воспрещении питейной торговли не были приняты присутствием к рассмотрению. За вторую половину 1885 г. Присутствием не были утверждены места распивочной продажи, разрешенные к содержанию сельскими обществами⁴⁰.

вой судья М. Кожин, уездный исправник П.А. Покровский, член земской управы Т.Г. Потуренсков и акцизный надзиратель С.С. Гераков.

³² Там же. – Л. 47, 48 об, 55, 72, 82, 85.

³³ ГАТО. – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 6501.

³⁴ Там же. – Д. 7272.

³⁵ Там же. – Д. 6503. – Л. 1–59.

³⁶ Там же. – Д. 6511. – Л. 1–60.

³⁷ Там же. – Д. 6512. – Л. 1–28.

³⁸ Там же. – Д. 6514.

³⁹ Там же. – Д. 4262. – Л. 31.

⁴⁰ Там же. – Д. 7272. – Л. 32 об – 33.

О деятельности присутствия в 1895 г. свидетельствуют подлинники журналов заседаний Присутствия, сохранившиеся в фонде присутствия⁴¹. На заседании присутствия 19 октября 1895 г. рассматривались приговоры о воспрещении сельскими обществами питейной торговли. Согласно циркуляру министра финансов (от 08.12.1892 г. № 2328), присутствие рассматривало приговоры, поступившие до 1 октября, поступившие позднее этого срока к рассмотрению не принимались (такими оказались прошение доверенного крестьян с. Белекушальского Белекушальской волости и приговор крестьян с. Никольское городище Тургиновской волости⁴²). Присутствие удовлетворило прошения крестьян с. Ляхово, д. Игрище, с. Ивановское, д. Харитоново, д. Стренево, с. Тутань, д. Кумордино, д. Гольхино, с. Новинки, д. Рязаново и Попково (Тургиновская волость), а также заявления землевладелицы в с. Палагино (Первитинская волость) Анны Александровны Ведениной, крестьян с. Покровское (Ильинская волость) Михаила Никанорова и Андрея Адександрова. В отношении заявления крестьянина того же с. Покровского, который ходатайствовал о запрещении торговли вином в селе крестьянкой Марией Бабуриной, допускавшей буйства и пьянство, присутствие постановило ходатайствовать через губернское присутствие о закрытии постоянного двора Марии Бабуриной ввиду «злоупотреблений, вредных для народного благосостояния и нравственности»⁴³. Заявление священника с. Васильевское (Васильевская волость) было отклонено.

Отдельно стоит описать историю с ещё одним приговором, обсуждавшимся в этот день. В Присутствие поступило прошение крестьян с. Первитино (Первитинская волость) и заявление землевладелицы из с. Первитино Зинаиды Романовны Хвостовой (именно эти прошения не сохранились, однако есть заявления 1895 г. – о них далее в тексте – в которых есть указания на ранние заявления). К прошениям крестьян и З.Р. Хвостовой присоединился земский начальник 4-го участка Тверского уезда. Он указал, что целью ходатайства крестьян было противодействие развитию пьянства и что первитинские крестьяне подавали свои прошения в 1885 и 1888 гг. На заседании 19 октября 1895 г. уездное присутствие удовлетворило эти прошения, хотя несогласие выразил только неперменный член присутствия – акцизный чиновник. Но на этом дело не завершилось. Вопрос о виноторговле в с. Первитино обсуждался на следующем заседании присутствия 20 января 1896 г. Тверское губернское по питейным делам присутствие, ссылаясь на своё решение от 14.12.1888 г., отменило решение уездного Присутствия от 19.10.1895 г. и обязало признать мнение неперменного члена⁴⁴. Последний оперировал донесением своего помощника, который показывал, что с. Первитино находится на просёлочной дороге, по которой осуществляется оживлённое движение на Тверь, кроме того, через село зимой гоняется скот. В силу этих причин, делался вывод, что существование в с. Первитино постоянного двора было необходимым⁴⁵ (отметим, что акцизные чиновники довольно удачно обошли стороной собственно вопрос о виноторговле). По всей видимости, и эти решения не поставили точку в деле, поскольку вопрос о виноторговле в с. Первитине обсуждался на заседании губерн-

⁴¹ ГАТО. – Ф. 493. – Оп. 1. – Д. 30.

⁴² Там же. – Л. 3.

⁴³ Там же. – Л. 3 об.

⁴⁴ Там же. – Л. 5–6.

⁴⁵ Там же. – Л. 7 об.

ского присутствия по питейным делам 6 сентября 1896 г.⁴⁶ Главным был вопрос об отнесении с. Первитино к местностям, подходящим под действие ст. 520 Устава о питейных сборах (т. е. таких, которые нельзя было исключить из состава мест, в которых осуществляется питейная торговля). Несмотря на доводы акцизных чиновников (нахождение на оживлённой дороге, крестьяне пьянством не занимаются, подати платят исправно и т. д.), присутствие приняло решение исключить с. Первитино из состава селений с обязательной продажей крепких спиртных напитков (по причинам развития пьянства, отсутствия важных дорог и падения торгового значения села в силу развития железной дороги, скопления пришлых людей). Казалось бы, что дело разрешилось счастливым образом, но, как показывают материалы следующих лет, питейная торговля в селе так и не была закрыта.

Нужно признать, что предоставление в 1885 г. сельским обществам права запрещать виноторговлю через специальный приговор было одним из важнейших нововведений. Между тем питейная продажа на землях, поступивших в собственность крестьян и сельских обществ, должна была производиться с разрешения сельских сходов ещё по правилам 1863 года⁴⁷. Согласие сельского схода выражалось в мирском приговоре. В этом смысле крестьянские общества уже практиковали разрешение или запрещение продажи питей. Довольно трудно сказать, какое решение сельские общества принимали чаще: питейная торговля, несомненно, приносила вред, но одновременно она сулила прибыль. Владелец питейного заведения был обязан выплачивать арендную плату сельскому обществу, на земле которого находилась его лавка. Естественно, что в открытии питейных лавок многие сельские общества увидели достаточно прибыльное дело. В циркуляре по Тверскому акцизному управлению № 2048 от 29 сентября 1884 г. В.Л. Юнг сообщал: «Из поступивших ко мне дел Новгородского акцизного управления усматривается, что сельские общества выдают иногда приговоры на открытие питейного заведения на имя известного лица, но с предоставлением ему возможности передать своё право на производство торговли другому лицу по собственному усмотрению»⁴⁸. Полученные от арендатора деньги шли на выплату недоимок по основным и неокладным сборам, которые, кстати сказать, и росли по причине всё того же пьянства некоторых крестьян⁴⁹. Так, жители упоминавшейся д. Яковлево в приговоре от августа (точной даты документ не содержит. – С.Б.) 1895 г. давали согласие на открытие винной лавки и подчёркивали, что арендная плата с содержателя питейного заведения поможет им в уплате казённых повинностей⁵⁰. Аналогичным образом поступили крестьяне д. Сергеево и Иванцово⁵¹.

Выручка от виноторговли для крестьянских обществ на самом деле была значительной. Это не могло не беспокоить государственные структуры. 12 декабря 1892 г. из МВД тверскому губернатору была прислана депеша с указанием об установлении надзора за выдачей сельскими обществами приговоров о согласии на производство торговли крепкими спиртными напитками в селениях и о расходах

⁴⁶ ГАТО. – Ф. 493. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 9 – 10 об.

⁴⁷ Там же. – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 36. – Л. 1, 1 об.

⁴⁸ Там же. – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 261. – Л. 53.

⁴⁹ Там же. – Л. 62, 62 об, 64 об, 94 об – 95, 101, 101 об, 121, 121 об, 133–134, 146, 148, 159, 160.

⁵⁰ Там же. – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 6511. – Л. 61.

⁵¹ Там же. – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 6514. – Л. 19, 82–83.

сумм, получаемых сельскими обществами за предоставление права на открытие питейных заведений⁵². Этот надсмотр стал осуществляться со следующего года.

Вместе с тем ведомству МВД по Тверской губернии на основании ст. 96 и 97, а также примечания к ст. 468. Устава о питейном сборе и ст. 1226 Уголовного судопроизводства было предоставлено право возбуждать преследование по нарушениям Устава о питейном сборе и закрывать до судебного приговора питейные заведения⁵³. Этот вопрос в дальнейшем стал предметом постоянных недоразумений между чинами акцизного и полицейского ведомств⁵⁴.

Но сохранившиеся от времени с середины 1880-х до 1896 г. подлинники приговоров крестьянских обществ⁵⁵ имеют запретительный характер и рисуют картину обнищания и падения нравственности из-за виноторговли. Вчитаемся в крестьянские жалобы: «... вследствие развития сильного пьянства, отчего крестьяне пришли в крайнее разорение и сделались неплательщиками казенных повинностей...» (д. Калистово Быковской вол.)⁵⁶, «... закрыть (питейные заведения. – С.Б.) и не иметь никогда, потому что в нашем селе сильно увеличилось большое пьянство, даже появилось воровство и у самого содержателя (питейного заведения) найден был железный ковшик...» (д. Пургосово Белекушалльской вол.)⁵⁷, «... деревня была исправной и не было недоимок... в настоящее же время со времени открытия в деревне постоялого двора общество обеднело и некоторые из его членов совершенно спились...», «общество было первое... делается последним собсено (так в подл. – С.Б.) из за вина... некоторые вовсе разорились... общество становится тощя, собствено из за вина...» (д. Рязаново Воскресенской вол.)⁵⁸, «... бедственное положение на крестьян как в отношении отбывания повинностей, а равно и ведения хозяйства...» (фраза общая в приговорах крестьян д. Рязаново, Шульгино, Порябино, Путилово, Кацино Воскресенской вол.)⁵⁹, «... постоянный двор... настолько пагубно и разорительно, что по открытию его более слабые члены общества пришли в совершенный упадок... происходят публичные ссоры, драки между постояльцами... наводят страх и беспокойство... посетители при наших жилых избах курят с большой неосторожностью бросают не погасшие окурки... неисправные повинности, хотя пользуемся хорошим местным заработком при станции Редкино НЖД... питейное заведение служит главным поводом к разврату... (просим) начальствующих лиц обратить свое милостивое внимание» (с. Ред-

⁵² ГАТО. – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 103 б. – Л. 78.

⁵³ Там же. – Л. 94

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. – Ф. 493. – Оп. 1. – Д. 31. – Л. 1, 3 об, 5 об, 6 об, 8–9; Д. 27. – Л. 1–2, 3 – 4 об, 5 об, 6 об, 7 об, 9 об, 11 об, 12 об, 14 об, 15 об, 16 об, 17–18; Д. 24. – Л. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15–16, 17, 18, 19–20, 22, 23, 25–26, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37–38, 39, 40, 41, 42, 43, 45, 48, 49, 50, 51–52, 53–54, 55, 56, 57–58, 60, 62, 64, 66, 68, 70, 72, 74, 76, 77, 78, 80, 82, 83, 85, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 97, 99, 100, 101, 102, 104, 105, 106, 107, 108, 109; Д. 34. – Л. 11; Д. 23 (Тверской уезд, 1891 г.). – Л. 1, 3–4, 5–6, 7, 8–9, 13, 15, 16, 18–19, 21, 22, 23, 27, 28–29, 30–31, 32, 33, 35–36, 37, 38, 39, 40–41, 42–44, 45–46, 47–48, 49, 50, 51, 52, 53, 55, 56–57, 58, 59, 61, 62, 63–64, 65–66, 67–68, 69, 70–71, 72–73, 74–75, 76, 77–78, 79–81, 82–83, 84–85, 86–87, 88–89, 90, 91, 92–93, 94, 97–171 (в общей сложности 65 приговоров, все утверждены), 172, 173–174, 175, 176, 179, 180, 183, 184, 186. Из всей этой совокупности крестьянских прошений лишь одно имело разрешительный характер (Д. 31. – Л. 11 (Никола-Городищенское с/о)).

⁵⁶ Там же. – Д. 24. – Л. 7.

⁵⁷ Там же. – Л. 9.

⁵⁸ Там же. – Л. 10–11.

⁵⁹ Там же. – Л. 12 об., 13 об., 14 об., 15 об., 18 об.

кино Городенской волости)⁶⁰, «... (закр^ыть) винную торговлю... через которую происходит религиозное упущение ...» (д. Власово и Чураево Логинской вол.)⁶¹, «... закрыть в Астраганцах, недалеко от церкви... и вредящее к упущению в религиозных нравах ...» (д. Образцово Логинской вол.), «... вредит нашей прихожанской церкви...» (о питейном заведении в с. Астраганцы, прошение крестьян д. Кибиново Логинской вол.)⁶², «... в видах желанья нашего противодействовать развитию пьянства... экономическое положение наше падает и большинство членов приходит к бедственному состоянию... разгулы с песнями и другими непозволительными бесчинствами, ...через послушников напитки проникают и в самую обитель, ...много должников, на уплату идет общественное имущество» (Желтикова Слобода Никулинской вол.)⁶³, «... лишь только развивают пьянство, расстройство в хозяйствах и бедность ...» (с. Толокново Первитинской вол.)⁶⁴, «... дознано по опыту ко вреду местного населения в ущерб домашним интересам каждого домохозяина...» (с. Горки Первитинской вол.)⁶⁵, «... без сомнения хозяйственное и имущественное положения должны ухудшиться...» (с. Сыромятово Тургиновской вол.)⁶⁶, «... (питейной торговли) не желаем в виду нашего малого селения, много случаев появления нетрезвых людей, много шума и ссор, через р. Ламу жители Клинского уезда – в лавку, топчут луга и хлеб, много их тонет...» (д. Лопатцево Тургиновской вол.)⁶⁷, «... (из-за) постоянного пьянства... нравственность молодых людей совершенно испортилась... расстройство хозяйств... долги... неуплата казенных повинностей...» (с. Васильевское Арининской вол.)⁶⁸, «... крестьяне, привыкшие к винопитию, при всех недостатках продают хлеб и др. имущество... на вино, семейства оставляют голодающими... нищими... ссоры и драки... неприличные выражения в особенности от молодого поколения» (с. Васильевское Васильевской вол.)⁶⁹, «... крайнее разорение, некоторые семьи с малыми детьми несут и терпят нужду во всем... благодаря пьянству домохозяев» (д. Ильинское Ильинской вол.)⁷⁰, «промыслы кузнечные прекращаются, более селение наше никакого ремесла не имеет, отхожие промыслы приносят мало пользы. Многие из нас привыкли к пьянству, и хозяйство приходит в упадок»⁷¹ (приговор крестьян д. Яковлево от 28 ноября 1890 г.).

Подобные цитаты можно только множить, но все они говорят об одном – умеренное потребление крепких напитков было большой проблемой для крестьянских обществ – проблемой экономической и нравственной. Ещё и административной: так, крестьяне д. Арининское (Арининская вол.) 19 октября 1893 г. писали в своём приговоре: «... много происходит неприятностей. Во время волостного суда происходят пьянство и ссоры, затем и драки...»⁷². При этом материал, о котором

⁶⁰ ГАТО. – Ф. 493. – Оп. 1. – Д. 24. – Л.19–20.

⁶¹ Там же. – Л.34.

⁶² Там же. – Л.41.

⁶³ Там же. – Л. 42 – 43 об.

⁶⁴ Там же. – Л. 50.

⁶⁵ Там же. – Л. 52.

⁶⁶ Там же. – Л. 54.

⁶⁷ Там же. – Л. 56 – 56 об.

⁶⁸ Там же. – Д. 23. – Л. 7.

⁶⁹ Там же. – Л. 18–19.

⁷⁰ Там же. – Л. 30–31.

⁷¹ Там же. – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 6511. – Л. 35.

⁷² Там же. – Л. 183.

идёт речь, касается только Тверского уезда Тверской губернии, можно лишь представить, каким было положение во всей губернии!

Между тем при более тщательном анализе приговоров крестьянских обществ выясняется одна примечательная деталь. Она касается не содержания приговоров, а истории их появления.

В октябре 1891 г. присутствие по Тверскому уезду получило 65 приговоров крестьянских обществ Кумординской, Воскресенской и Новинковской волостей Тверского уезда. Все приговоры составлены по единому формуляру – на готовом бланке. Документ начинается следующей печатной клаузулой: «*Такого-то* года месяца и дня мы нижеподписавшиеся *Тверского* уезда такой-то волости *такого-то* сельского общества крестьяне села *такого-то*, имеющие право голоса на сходе (*столько-то*) домохозяев сего числа в присутствии нашего сельского старосты, на сходе прибыло (*столько-то*) домохозяев, на котором все единогласно постановили». Далее следует текст, написанный уверенной рукой, по всей видимости, писцом: «Просить Уездное по Питейным делам Присутствие, чтобы в селении нашем, а также и близ оною в расстоянии 100 саж. в будущее трехлетие никаких торговых заведений с продажей питей, как распивочно, так и на вынос и оптовых складов открывать не разрешать в виду того, *что мы, крестьяне, чрез то приходим в крайнюю бедность, в том и подписуемся*». Последняя часть документа, выделенная нами курсивом, заслуживает самого пристального внимания.

Все приговоры этой группы были составлены в период с 26 августа по 18 сентября 1891 г. Динамика «приговорного движения» выглядит следующим образом: 26 августа был составлен 1 приговор (Новинковская вол.), 10 сентября – 6 (по 3 в Новинковской и Воскресенской волостях), 11 сентября – 1 (Новинковская волость), 12 сентября – 3 (3 в Новинковской, 1 в Воскресенской волости), 13 сентября – 4 (все в Кумординской волости), 14 сентября – 13 (по 5 в Кумординской и Воскресенской, 3 в Новинковской волости), 15 сентября – 17 (3 в Кумординской, 14 в Воскресенской волости), 16 сентября – 6 (по 3 в Кумординской и Воскресенской волостях), 17 сентября – 9 (все в Воскресенской волости) и 18 сентября – 4 (все в Воскресенской волости). Таким образом, заключение крестьянами приговоров приходится на довольно сжатый период – с 10 по 18 сентября, а пик этого процесса падает на 14–18 сентября. Минимальное количество приговоров, заключённых в один день, – 4, максимальное – 18. На практике в один день вполне приемлемым было заключение 4–6 приговоров.

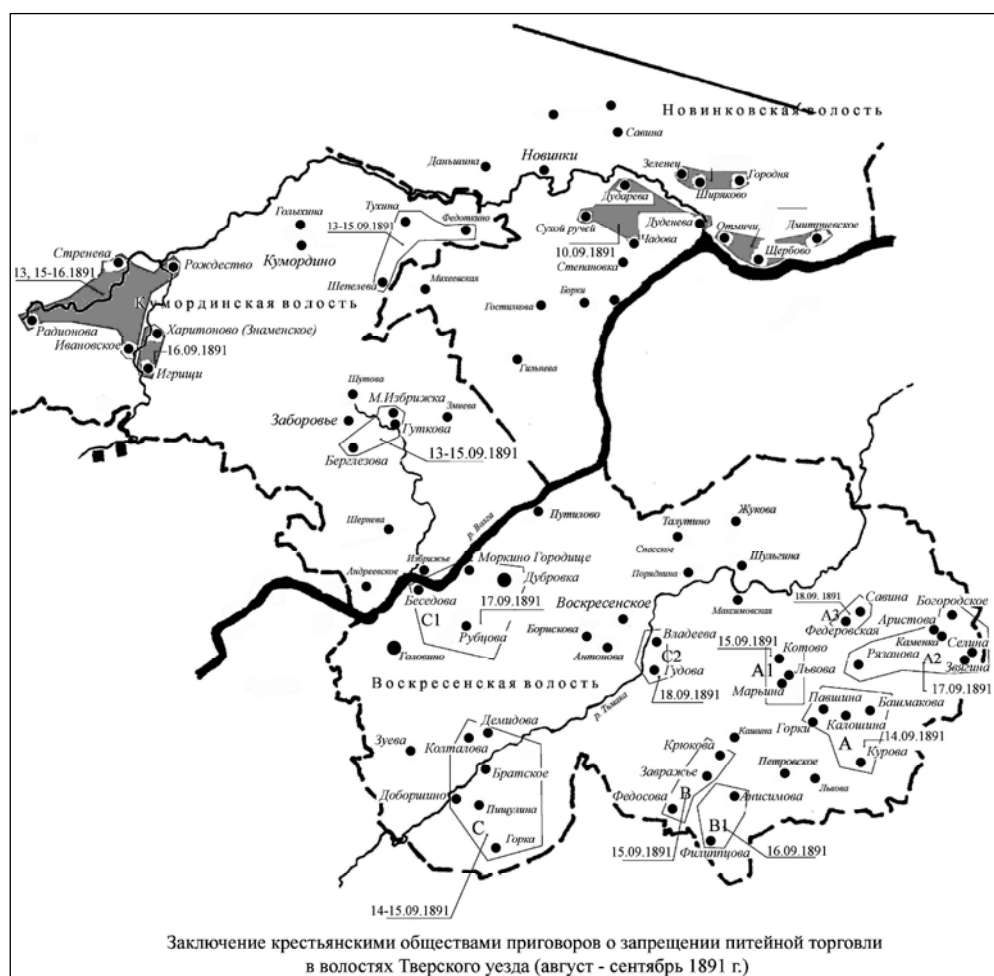
Возникает вопрос: для кого была приемлема такая практика? Ответ на него находится удивительно просто. В Воскресенской волости, раскинувшейся на правом берегу Волги, за 7 дней было составлено 35 приговоров, в Кумординской (левый берег Волги) – за 4 дня – 15 приговоров и в Новинковской – соседней к Кумординской – за 5 дней крестьяне составили 11 приговоров. Но волости различаются не только статистическими показателями. Дело в том, что приговоры, составленные в каждой отдельно взятой волости независимо от даты документа, объединяет совпадение текстов приговоров в части, которая нами была выделена курсивом выше. Во всех приговорах Воскресенской волости она заканчивается словами: «... *открывать не разрешать, так как последствие существующих заведений наносят бедственное положение на крестьян, как в отношении отбывания повинностей, а равно и по ведению хозяйства*». В приговорах крестьян Кумординской волости эта же часть выглядит так: «... *питейные заведения иметь не желаем, в чем и подписуемся*». А вот в приговорах, составленных крестьянами

Новинковской волости, такого однообразия нет: «... открывать не разрешать в виду нашей совершенной бедности», «... открывать не разрешать в виду того, что мы крестьяне чрез то приходим в крайнюю бедность» (как вариант: «приходим в положительную бедность»), «... открывать не разрешать по случаю нашей бедности», «... открывать не разрешать в виду нашей бедности и изстраты хозяйства». Замечательно то, что эти четыре варианта приходятся на четыре же дня, т. е. приговоры каждого дня в Новинковской волости имеют свой собственный формуляр. Наблюдения над содержанием приговоров позволяют говорить о том, что в каждой из трёх волостей при составлении приговоров существовал особый формуляр: трудно полагать, что крестьяне разных селений и сельских обществ были настолько уж единодушны, чтобы вносить в свои решения абсолютно идентичные фразы. Единственное, думается, разумное решение вопроса состоит в том, чтобы признать авторами обозначенных приговоров либо волостных старшин, чьими печатями заверены приговоры, либо земских начальников – членов уездных присутствий, на плечи которых была возложена работа по проведению в жизнь этой части новых Правил⁷³. Последнее представляется более вероятным: видимо, именно начальники земских участков объезжали крестьянские общества (от 4 до 6 в день), организовывали крестьянские сходы и призывали, если только не принуждали, крестьян принять соответствующее решение. В пользу этой версии свидетельствует характер крестьянских сходов: как показывают данные каждого приговора, на каждом из них присутствовало до половины домохозяев селения, зачастую и того меньше. Это говорит о том, что такие сходы имели чрезвычайный характер, вызванный приездом в селение чиновника, в силу чего присутствия на сходе всех домохозяев добиться было невозможно. В любом случае решение принималось не всеми жителями селения, следовательно, у нас нет оснований отнести жалобы на питейную торговлю ко всем крестьянам, видимо, вред «питей» осознавали наиболее активные и крепкие в хозяйственном отношении крестьяне.

Довольно показательным может быть анализ приговоров этой группы с использованием географической карты. При нанесении на карту селений Кумординской, Воскресенской и Новинковской волостей, где были заключены приговоры, складывается следующая картина (см. рисунок).

26 августа приговор был составлен в д. Кадино (Кодино). 10 сентября приговоры составлялись жителями деревень Спиркова, Дубровка, Сухоручье (Сухой ручей) и Чадова. Расстояние между деревнями в среднем составляет 9–10 верст. 11 сентября приговор был составлен в д. Дуденево, 12 сентября – в Отмичах, Щербо-ве и Дмитровском. Наконец, 14 сентября (это была суббота) – в Городне, Ширякове и Зеленцах. Таким образом, в Новинковской волости селения, жители которых не пожелали иметь у себя питейную торговлю, располагаются группами по 3–4 деревни, расстояние между которыми не превышает 10 вёрст. Очевидно, что в географической и хронологической последовательности эти селения располагаются друг за другом, что позволяет предполагать об определённой заданности маршрута продвижения чиновника.

⁷³ По указанию Государственного Совета от 27 марта 1890 г., в ведении местных земских начальников был вопрос о том, согласно ли общество допустить виноторговлю на своей земле и на каких условиях (ГАТО. – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 6525. – Л. 115.)

Проверим это предположение на материале других волостей. В Кумординской волости довольно чётко выделяются группы, точнее районы. Первый: с. Ивановское–д. Рождество (приговоры составлены 13 сентября) – Харитоново – Игрищи (14 сентября) – Стренево (15 сентября) – Радионово (16 сентября). Второй: Тухино (приговор 13 сентября) – Федоткино (14 сентября) – Шепелево (15 сентября). Третий: Берглезово (13 сентября) – Гутково (14 сентября) – Шернево (15 сентября) – Андреевское (16 сентября). Учитывая эти данные можно говорить о том, что составление крестьянами приговоров курировалось тремя чиновниками (по всей видимости, волостными старшинами, или же, что более вероятно, помощниками земского начальника).

Но самые интересные наблюдения можно сделать на материалах Воскресенской волости. В субботу 14 сентября приговоры были составлены в деревнях Мо-настырское Горки, Павшино, Калосино, Башмаково и Курово. Они образуют микрорегион (назовём его *A*). На 15 сентября таких микрорегионов выделяется уже три: 1) д. Котово, Львово, Марьино и Петровское Горки (этот микрорегион примыкает к микрорегиону *A*, будем называть его *A1*); 2) д. Федосово, Завражье и Криково (на юго-западе волости, назовём его *B*); 3) с. Троицкое, д. Доборшино,

Колталово, Объедово, Сельцо, Пищулино и Горка (запад волости, микрорегион *C*). 16 сентября приговоры были составлены в д. Анисимово, Филипцево и Шалайково (юг волости). Этот микрорегион примыкает к микрорегиону *B*, поэтому для удобства последующего анализа назовём его *B1*. 17 сентября приговоры были составлены в деревнях на севере и востоке волости, которые также образуют микрорегионы. Первый из них (с. Богородское, д. Арисково, Рязаново, Селина и Звягино) примыкает к микрорегиону *A–A1*, по последовательности это микрорегион *A2*, второй (д. Беседы, Моркино Городище, Рубцово и Дубровки) приурочен к северу – северо-западу волости, его географическая приуроченность указывает на связь с микрорегионом *C* (отсюда условное название *C1*). Наконец, 18 сентября приговоры были составлены в д. Володеево, Гудово (эти деревни, без сомнения, примыкают к микрорегиону *C*, условно будем называть их микрорегионом *C2*), Фёдоровка и Савино (эти деревни можно отнести к микрорегиону *A*, их код в таком случае – *A3*). Вышеприведенные данные свидетельствуют о следующей последовательности составления крестьянских приговоров: 14 сентября – *A*; 15 сентября – *B, C, A1*; 16 сентября – *B1*; 17 сентября – *C1, A2*; 18 сентября – *C2, A3*.

Как видно, движение от микрорегиона к микрорегиону имело последовательный характер. Но такая заданность маршрута не может быть объяснена тем, что крестьяне Воскресенской волости единодушно решили не пить вина и их последовательно «захлёстывала» волна борьбы с «зелёным змием». Зато она может быть удовлетворительно объяснена перемещениями чиновников по селениям, в которых составлялись приговоры о запрещении питейной торговли. Количество выделенных микрорегионов говорит о том, что таких чиновников было три. Эта же причина подтверждается и количеством селений в выделенных микрорегионах (от 2 до 7), чаще всего за один день чиновники объезжали 4–5 деревень.

Вышеприведёнными данными мы лишь стремились выявить практику составления запретительных приговоров. Конечно, можно говорить о том, что инициатива крестьян в деле запрещения питейной торговли в таком случае практически сводится на нет. Остаётся полагать, что за крестьян думали чиновники (это само по себе требует объяснения). Между тем эти выводы касаются конкретных волостей Тверского уезда, и они никоим образом не уменьшают пользу сведений, сообщаемых в других крестьянских приговорах, не имеющих, образно выражаясь, «массового тиража». В данной связи вернёмся к истории с с. Первитным, о которой речь шла выше. 21 сентября 1893 г. к земскому начальнику вновь обратилась вдова коллежского советника З.Р. Хвостова. Она писала: «... (*питейная продажа*) делает невозможным ведение правильного сельского хозяйства, в виду того, что рабочих тянет в кабаки постоянно, почему вечно бывают прогулы, воровство на водку и за водку и тому подобные безобразия... каждому известно, какой вред приносят кабаки, деятельность кабатчиков и какие последствия постоянного пьянства крестьян»⁷⁴. Крестьяне с. Первитино в приговоре от 28 сентября 1893 г. высказали аналогичную позицию: «... приговорили о вреде, приносимом кабаком. С каждым годом всё более и более усиливающаяся привычка к пьянству приводит нас до накопления больших недоимок, к лености вследствие частого сидения в кабаке, куда ежедневно почти все мы сходимся, отрываясь, вовсе забывая о работе. В кабаки сходятся Бог знает откуда всякие подозрительные лица, благодаря которым случаются часто разные покражи. Все дошедшие в кабаки до состояния не-

⁷⁴ ГАТО. – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 6511. – Л. 179 – 179 об.

вменяемости или до буйства, изгоняются из заведения, почему они вынуждены бывают искать себе ночлега по ригам и сараям, что очень опасно в пожарном отношении. Кабак так нам нежелателен и до того опротивел, что мы решили...»⁷⁵. А крестьяне д. Библиево (Быковская вол.) отмечали, что «общество не гарантировано от слабости к вину», и писали также о том, что, поскольку их селение находилось на дороге в Тверь, то в нём скапливалась «масса бродяг, любителей пьянства, по целой неделе иногда проживающие близ постоянного двора», и жители д. Библиево оказались вынуждены «отводить им квартиры для ночлега, в которых они учиняют безобразия: бесчинства, кражи и поджоги». Эти бродяги однажды «увели лошадь, подожгли амбар и всё выкрали, деревня два раза горела». Главное же состояло в том, что местное крестьянское общество никогда не давало согласия на открытие питейного заведения⁷⁶.

Сказанное позволяет думать о том, что крестьян, проживавших друг от друга далеко, трудно заподозрить в сговоре против продавцов питей. Очевидно, что их решение о запрещении питейной торговли было вполне искренним.

От осознаваемого всеми пагубного действия «зеленого змия» крестьян и других жителей Тверской губернии должны были защищать и структуры государственной власти на местном уровне, и органы местного самоуправления. В целом с 1885 г. в «питейное дело» были допущены структуры, не относившиеся прямо к Министерству финансов. Но почти сразу стали возникать противоречия. В частности, тверские акцизные чиновники были недовольны деятельностью уездных присутствий по питейным делам.

18 декабря 1885 г. В.Л. Юнг сообщал начальнику Департамента неокладных сборов о том, что в Новгородской губернии не было недовольства по поводу вновь установленного порядка питейной торговли⁷⁷. Здесь, по его мнению, «дело» было поставлено правильно, потому что губернатор основательно изучил новые правила со всеми разъяснениями. «Что же касается Твери, – писал Юнг, – то лишь в немногих присутствиях дело ведётся на разумных началах (Тверском, Вышневолоцком, Бежецком, Ржевском и Калязинском)...» Остальные присутствия, подчеркнул Юнг, стремились к чрезмерному ограничению числа питейных заведений, добиваясь этого своим безграничным произволом⁷⁸.

Особенно «отличилось» Кашинское по питейным делам присутствие. Оно, «задавшись целью искоренить питейную торговлю», всех 93 местных виноторговцев подвело под действие ст. 33 новых правил (по этой статье уездные присутствия могли воспрещать открытие питейных заведений для распивочной торговли крепкими напитками)⁷⁹. Тверское губернское Присутствие отклонило решение кашинцев, ссылаясь на эту же статью. Тогда «трое членов присутствия, находившихся в Твери, бестактно и грубо ворвались к губернатору с резким протестом против данного губернским присутствием разъяснения статьи 33-й с угрозами бросить земскую службу и жалобами на бессилие акцизного надзора над виноторговлей в уезде»⁸⁰. До членов Кашинского присутствия было доведено мнение Министерства финансов, подтверждавшее решение губернского присутствия. Однако

⁷⁵ ГАТО. – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 6511. – Л. 180.

⁷⁶ ГАТО. – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 34. – Л. 11 об.

⁷⁷ ГАТО. – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 6525. – Л. 46–49.

⁷⁸ Там же. – Л. 48.

⁷⁹ Там же. – Л. 46 об.

⁸⁰ ГАТО. – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 6511. – Л. 47 об.

успокоить кашинских земских деятелей не удалось: «Они с всё более возрастающим озлоблением против новых правил акцизного надзора метали громкие фразы о препятствиях, делаемых их благим намерениям искоренить пьянство и поднять нравственность народа. Кстати, отмечу при этом, – добавлял В.Л. Юнг, – что в числе особенно ярых поборников народной нравственности находилась личность, далеко не безукоризненная»⁸¹. Кто был этой личностью, Юнг не указывал.

Корчевское присутствие, наоборот, постановило открывать питейные заведения, но делало это почему-то в имениях непрямого члена присутствия местного участкового мирового судьи, члена уездной земской управы, брата председателя присутствия⁸². По этому поводу В.Л. Юнг отмечал: «Вышеизложенное наводит на мысль, что виноторговля в некоторых частях уезда как бы распространена была между местными влиятельными лицами и что охранители народа от пьянства не чужды получения для себя тех выгод, которые может представить допущение торговли крепкими спиртными напитками»⁸³.

Наиболее спорными были ст. 33, 54, 56 и 59. В начале 1886 г. губернское присутствие обратилось к уездным присутствиям с циркуляром, в котором указывалось, что некоторые уездные присутствия совершенно неправильно понимали и применяли ст. 33. При этом акцизным ведомством терпеливо разъяснялось, что этой статьёй присутствиям предоставлялось только право не допускать открытие заведений для распивочной торговли, но никак не давались полномочия запрещать продолжение торговли питьями в существовавших заведениях⁸⁴.

Регулярно в циркулярных предписаниях губернского присутствия встречается также толкование ст. 56 (по ней число питейных заведений в селениях устанавливалось по количеству душ). Частое обращение к статье губернского присутствия можно объяснить тем, что в большинстве жалоб на решения уездных присутствий указывалось на запрещение этими органами открытия питейного заведения ввиду малого количества душ в тех или иных селениях⁸⁵. Авторы жалоб указывали на то, что уездные присутствия по собственному усмотрению воспрещали питейную торговлю во многих селениях губернии⁸⁶.

Недоразумения, возникшие в ходе реализации новых правил, разрешались достаточно легко. Просители посылали в губернское присутствие жалобы, оно их рассматривало на своих заседаниях (сохранились журналы этих заседаний⁸⁷) и обращалось к уездному присутствию с предложением пересмотреть принятое постановление в соответствии с циркуляром Министерства финансов № 263 от 23 декабря 1885 г.⁸⁸ («О недоразумениях, возникших в ходе применения новых правил»).

К началу 90-х годов XIX в. в Тверской губернии деятельность уездных присутствий была целиком поставлена под контроль губернского Присутствия, с одной стороны, и Министерства финансов – с другой. В целом Министерство финансов через акцизных чиновников, являвшихся непрямыми (т. е. обязатель-

⁸¹ Там же. – Л. 48.

⁸² Там же. – Л. 48 об.

⁸³ Там же. – Л. 49.

⁸⁴ Там же. – Л. 11, 11 об.

⁸⁵ Там же. – Л. 19, 19 об, 21, 22, 23, 31, 31 об, 39 об.

⁸⁶ Там же. – Л. 23.

⁸⁷ Там же. – Л. 51, 64, 130, 132, 134, 137, 139, 142, 148.

⁸⁸ Там же. – Л. 31 об.

ными) членами присутствий, контролировало деятельность губернского Присутствия. Согласно циркуляру министра финансов (№ 58 от 12 декабря 1892 г.⁸⁹, роль уездных присутствий ограничивалась лишь принципиальным решением вопроса о разрешении виноторговли⁹⁰. Вопрос о том, согласно ли общество допустить виноторговлю на своей земле и на каких условиях, подлежал ведению местных земских начальников, которые были непременно членами уездных Присутствий (мнение Государственного Совета от 27 марта 1890 г.⁹¹).

Присутствия по питейным делам, как отмечалось ещё в 1884 г. в «Вестнике Европы», вместе с крестьянскими присутствиями и училищными советами «составляли длинный ряд административных учреждений». Но надзор за питейной торговлей был только одной стороной местного управления и самоуправления, которая составляла часто общественную заботу и потому не была связана с общими административными функциями государственных учреждений⁹². Отсутствие у губернских властей весомых рычагов ограничения питейной торговли сводило на нет усилия присутствий по питейным делам и органов самоуправления в ограничении пьянства.

Права сельских обществ по запрещению питейной торговли, предоставленные ст. 58 новых правил, также были ограничены законодательством. Так, по точному смыслу ст. 59, приговоры сельских обществ о воспрещении питейной торговли, которая вводила население деревень в бедность и нищенство⁹³, должны были составляться и присылаться в присутствия или акцизные органы в строго установленные сроки⁹⁴. Исключения составляли те селения, в черте которых питейная торговля никогда не осуществлялась. Обществам, подавшим свои заявления не в установленные сроки, губернское Присутствие отказывало в удовлетворении их требований, ссылаясь на ст. 59 и 61. При этом ст. 469 Устава о питейном сборе открытие питейного заведения не ограничивалось никакими сроками⁹⁵.

Не удивительно, что большинство из известных приговоров крестьянских обществ о запрещении питейной торговли были отклонены. Так, из 116 приговоров, присланных в сентябре 1891 г.⁹⁶, 51-му прошению было отказано (были утверждены упомянутые выше 65 приговоров). Основанием для отказа служил тот самый X-й пункт Правил 1885 г. или причины, указанные в ст. 450 Устава о питейном сборе. Речь идёт о количестве душ в селениях или о сроках составления приговоров. Но само по себе это ни о чём не скажет. Гораздо красноречивее выглядят карандашные заметки на листах приговоров, оставленные акцизными чиновниками⁹⁷. Они скрупулезно подсчитывали количество душ в селениях, выясняли, находится ли селение на проезжем тракте, признано ли торговым селением, выясняли, составлялись ли подобные приговоры ранее, производилась ли в селении питейная торговля ранее. Акцизным чиновникам надо отдать должное – дело охраны казённого интереса они выполняли весьма тщательно. При этом проблемы народного здоровья и нравственности финансовое ведомство, по всей видимости, заботи-

⁸⁹ ГАТО. – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 6511. – Л. 156 – 156 об.

⁹⁰ Там же. – Л. 156 об.

⁹¹ Там же. – Л. 115.

⁹² Вестник Европы. – Кн. 4. – 1884. – С. 798.

⁹³ ГАТО. – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 6502. – Л. 98.

⁹⁴ Там же. – Л. 52.

⁹⁵ Там же. – Л. 72.

⁹⁶ Точнее, сохранившихся в архивном фонде: ГАТО. – Ф. 493. – Оп. 1. – Д. 23.

⁹⁷ ГАТО. – Ф. 493. – Оп. 1. – Д. 24. – Л. 111–128.

ли мало. Впрочем, это неудивительно – ради удовлетворения потребностей государство никогда не гнушалось эксплуатировать человеческие ресурсы.

В результате нововведения 1885 г. оказались малозначимыми в ограничении пьянства. Примером тому может служить анонимное сообщение жителя Старицы начала 1886 г. Он сообщал, что в Старице после введения новых правил начался невиданный рост пьянства. Во второй половине 1885 г. в городе открылось 30 трактиров, большинство из которых служили притонами для разных бродяг и были местами разврата. Под вывеской «трактир», по его наблюдениям, скрывался грязный подвал, в котором продавалось исключительно вино. В такие подвалы, сообщал аноним, посетителей порой втаскивали силой. Для этих целей трактирщики содержали до пяти человек «рабочих», которые стояли на улице или переулке и ловили посетителей. «Так что и днём мирным жителям невозможно было без опасения за своё здоровье выйти из дома»⁹⁸. Администрация города на всё это смотрела спокойно.

По этому донесению губернатором было возбуждено расследование. Старицкий уездный исправник сообщал, что с 1 января 1886 г. открылось 32 заведения для торговли крепкими напитками. Он отмечал, что под вывеской трактиров и харчевень, действительно, скрывались прежние питейные дома⁹⁹. Исправник отметил, что увеличения пьянства не было замечено, а наоборот, оно даже уменьшалось¹⁰⁰. Он не заметил заведений, бывших притонами для разного люда и разврата. Правда, один раз в харчевне, которую содержала крестьянка Дарья Гусева, исправник увидел семерых пьяных мужчин и между ними двух женщин вольного обращения. Эти женщины зашли в харчевню выпить вина, «которого они были большие любительницы»¹⁰¹.

Таким образом, закон о питейной торговле 1885 г. имел как положительные, так и отрицательные стороны. Они демонстрируют двойственность проводимых правительством мероприятий. Организация органов, контролирующих питейную торговлю, имела, в целом, положительное значение. Другое дело, какими возможностями они обладали. По существу, деятельность Присутствий была ограничена включением в их состав неперменных членов – акцизных чиновников. Они следили за соблюдением интересов казны. По постановлению Министерства финансов № 1882 от 25 ноября 1885 г., акцизные чиновники – неперменные члены уездных присутствий – могли перенести всякое его постановление на рассмотрение губернского присутствия. Неперменные члены в таком случае предоставляли свои соображения и доказательства о неправильности постановлений уездного присутствия¹⁰². Кроме того, деятельность каждого уездного присутствия была подконтрольна губернскому присутствию. Оно являлось высшим контрольным и апелляционным органом, время от времени объясняло уездным присутствиям ту или иную статью питейного законодательства. В свою очередь, оно само получало соответствующие рекомендации от Министерства финансов.

Формально новые правила изменили тип питейного заведения, усилили надзор за виноторговлей, поручив его сразу нескольким органам – от сельского схода до губернского присутствия. Но новыми правилами, как выражалась тогда одна

⁹⁸ ГАТО. – Ф. 56. – Оп. 1. – Д. 2966. – Л. 1 – 1 об.

⁹⁹ ГАТО. – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 2966. – Л. 4.

¹⁰⁰ Там же. – Л. 6 об.

¹⁰¹ Там же. – Л. 5, 5 об.

¹⁰² ГАТО. – Ф. 819. – Оп. 1. – Д. 6502. – Л. 71.

газета, была начата новая эра в постановке питейного дела: кабаки – сеятель зла – были уничтожены и заменены трактирами¹⁰³. Питейный дом, кабак исчез только со страниц питейного устава. Он возродился в форме трактира. Вышло едва ли не хуже: в кабаки заглядывали не всякий, считая его посещение зазорным, а посидеть и выпить в трактире – ничего! Да и вновь появившиеся присутствия по-разному относились к трактирам: члены одних из них считали трактир местом, куда могут прийти уставшие крестьяне и отдохнуть, заседатели других считали трактир местом вредным для народной нравственности¹⁰⁴.

Вместе с надзором изменилась и сама питейная торговля. В селениях чаще стали открывать винные лавки, которые для их содержателей обходились дешевле, чем трактиры (патентный сбор был меньше). Рядом с такими лавками стали ставить избы, в которых крестьяне и пили вино, а не распивали его под заборами. В этом смысле новые правила оказали положительное действие на народную нравственность, хотя проблема не была решена окончательно. Уже через год после введения новых правил стали отмечать, что вино часто покупалось в складчину и немедленно распивалось¹⁰⁵. Постоянной публикой трактиров оставался рабочий люд. В праздничные и базарные дни в трактирах была толкотня, шум, крик, ругань. Факты показывают, что источник пьянства находился и в системе виноторговли и государственного контроля за ней, и в условиях народной жизни. Эту проблему призвана была решить реформа по введению винной монополии¹⁰⁶.

S.V. Bogdanov

THE STATE IN STRUGGLE FOR THE SOBER SOCIETY IN THE BEGINNING OF 1880-S – IN THE BEGINNING OF 1890-S

Summary

In the article the author presents the results of studying of history of governmental policy in the field of restriction of consumption of spirits. On the one hand, consumption of grain wine was not widely spread among rural population of Russia, with another – it was a financial and moral problem for a rural society; it was confirmed by archival data. However the governmental policy in this field was inconsistent: for struggle against drunkenness the state mobilized public forces and local government institutions which had insignificant powers, at the same time their activity met with counteraction of financial structures.

¹⁰³ Лебедев В.А. Указ. соч. – С. 42.

¹⁰⁴ Там же. – С. 43.

¹⁰⁵ Вестник Европы. – 1886. – № 4. – С. 830.

¹⁰⁶ Об особенностях борьбы за трезвое общество в конце XIX– начале XX в. см.: Богданов С.В. «В России нельзя быть трезвым, не вредя государственной казне»: Борьба против пьянства в период введения винной монополии (на материалах Тверской губернии) // Из архива тверских историков: Сб. науч. тр. к 70-летию со дня рождения профессора М.М. Червяковой. – Тверь, 2006. – Вып. 6. – С. 81–110.